

ОБЪЯСНЕНІЕ ВИНЬЕТКИ.

Давая книжкамъ нашего изданія въ новомъ году его существованія новую виньетку, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Обыкновенно при составленіи виньетокъ для историческихъ и другихъ журналовъ и отдѣльныхъ книгъ прибѣгаютъ къ аллегоріямъ, а самыя аллегоріи или являются плодомъ собственной фантазіи составителя виньетки, или заимствуются изъ древней классической мифологіи, почему на виньеткахъ фигурируютъ по большей части полуголыя богини, разныя музы, фен, нимфы, для непосвященнаго въ тайну композиціи мало или вовсе не говоряція о томъ, что хотѣлъ выразить художникъ. Мало помогаетъ въ такихъ случаяхъ прибавка къ аллегорическимъ изображеніямъ какого-нибудь памятника изъ области русской исторіи, слабо выжущагося съ мифологією грековъ.

Ведя наше изданіе въ предѣлахъ мѣстной исторіи, мы предпочли и въ составленіи виньетки придерживаться строго исторической почвы и для нагляднаго опредѣленія содержанія и задачъ нашего изданія употребить не измышленныя и условныя какія либо изображенія, а историческій памятникъ народнаго художества, представляющій народную жизнь въ томъ видѣ, какъ она воспроизводилась раньше насъ. Такой памятникъ народнаго творчества мы нашли въ случайно сохранившихся старинныхъ малороссійскихъ изразцахъ или кафляхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены здѣсь-же въ отдѣлѣ „Извѣстій и Забѣтокъ“; тамъ любопытствующій и можетъ найти, что означаетъ то или другое изъ помѣщенныхъ на виньеткѣ изображеній. Изъ общаго числа сохранившихся изразцовыхъ фигуръ (56) мы взяли лишь 12-ть, всѣ-же эти фигуры касаются южнорусской жизни средняго періода—между древнимъ княжескимъ и но-

вымъ послѣ воссоединенія обѣихъ половинъ Россіи. т. е. тотъ періодъ южно-русской исторіи, въ которомъ народная жизнь достигла наибольшаго обособленнаго развитія и изслѣдованіе котораго составляетъ преимущественную задачу нашего изданія. Они охватываютъ собою эту жизнь съ различныхъ сторонъ: со стороны военной и политической, со стороны бытовой и наконецъ съ присущей всегда народной жизни стороны мѣстической или легендарной. Такимъ образомъ употребленныя нами для виньетки изображенія даютъ съ перваго взгляда представленіе о томъ, чему посвящено наше изданіе и что въ немъ можно найти. Самыя буквы, употребленныя для заглавія изданія суть памятники также старинной каллиграфіи: начальная *К* взята изъ стариннаго рукописнаго ирмологія, писаннаго въ Каневѣ въ 1635 г. и обязательно сообщеннаго намъ о. Максимомъ Кротовичемъ, всѣ остальные буквы первой заглавной строки заимствованы изъ древнихъ гроевскихъ книгъ Волыни и Подолія, хранящихся въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владимира, а дальнѣйшія мелкія изъ того-же ирмологія.

Заговоривъ о кафляхъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для виньетки, въ добавокъ къ краткой посмертной о нихъ замѣткѣ М. П. Александровича, спасаго отъ окончательной гибели этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ самобытнаго южно-русского художества, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ какъ вообще объ этомъ художествѣ, такъ и въ частности о художествѣ кафельномъ.

Наше народное художество въ многообразныхъ его видахъ извѣстно намъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ сторонъ нашей исторической жизни. Несчастливолюсь болѣе другихъ словеснымъ, преимущественно устнымъ памятникамъ народнаго творчества, изъ письменныхъ-же памятниковъ лишь не многіе приведены въ извѣстность и сколько нибудь обслѣдованы. Съ меншею полнотою собраны и еще менѣе обслѣдованы узоры и вообще южно-русская орнаментика. Произведенія рѣзьбы и ваянія изъ дерева, камня и глины почти вовсе не тронуты, равно какъ и не скудная уцѣлѣвшими еще памятниками мѣстная архитектура. О существованіи такъ называемой лубочной живописи въ первый разъ мы узнали и памятники оной, изготовлявшіяся въ Борзні, видѣли въ минушемъ году, благодаря сообщенію уважаемаго Н. М. Бѣлозерскаго, и не сомнѣваемся.

что самый фактъ ихъ существованія будетъ совершенною новостью даже для занисныхъ археологовъ. О произведеніяхъ портретной живописи имѣемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ указаній и замѣтокъ, на столько иногда шаткихъ, что даже въ академіи художествъ подъ именемъ портрета Мазепышло совсѣмъ иное лице. Мы имѣли лучшихъ граверовъ въ самомъ Кіевѣ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., каковы: Щирскій, Тарасѣвичъ и другіе, но знаемъ по этой части слишкомъ не много, чтобы не сказать ничего. Иконописаніе, достигшее къ половинѣ XVIII ст. замѣчательнаго развитія и мягкости кисти, остается въ неизвѣстности и памятники оного погибають безвозвратно, имена-же художниковъ этого рода и вовсе почти неизвѣстны намъ, если не считать случайныхъ о нихъ свѣдѣній въ польской исторической литературѣ, гдѣ подѣ часть и пресп. Аліпій иконописецъ, котораго мощи вѣтлѣнно почивають въ св. кіево-печерской лаврѣ, причисляется къ униатамъ-базилианамъ. Церковная стѣнная живопись смѣшаннаго религіозно-бытоваго характера съ ея многочисленными памятниками погибла на нашихъ глазахъ, и спасены лишь не многіе памятники древнѣйшаго ея періода, какъ фрески кіево-софійскіе, кирилловскіе и Спаса на Берестовѣ, а между тѣмъ она имѣла широкое распространеніе и глубокое жизненное значеніе. Благочестивые предки наши, богатые вѣрою и благоговѣйнымъ почитаніемъ святыхъ, были менѣе щепетильны въ дѣлахъ вѣры, нежели мы ихъ потомки. Еще въ древній кіевскій періодъ великіе князья ставили въ храмахъ свои портреты, развѣшивали одежды и другія привошенія. На стѣнахъ софійскаго собора мы видимъ, кромѣ священныя изображенія, и сцены бытоваго и даже мнѣшескія, въ соответствіе такимъ-же изображеніямъ, бывшимъ въ св. Софій царсградской, рядомъ съ которою стоялъ циркъ. Въ послѣдующія столѣтія наружныя стѣны южно-русскихъ храмовъ расписывались, паравиѣ съ священными изображеніями, сценами изъ боевой козачьей жизни, а на внутреннихъ стѣнахъ красовались портреты великихъ князей, ревнителей православія и народности русской, какъ кн. Омельковичи и Острожскіе, метрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, гетмановъ и полковниковъ, преимущественно-же фундаторовъ и ктиторовъ св. храмовъ. Картины страшнаго суда, достигавшія иногда колоссальныхъ размѣровъ, писанныя на холстѣ и на стѣнахъ (картинами послѣдняго рода за-

нимали иногда половину обширнаго притвора), воспроизводили жизнь со всею ея грѣшною обстановкою, отображая собою все нравственное міровоззрѣніе народа въ данную эпоху и преобладавшіе въ немъ пороки. На этихъ картинахъ въ правобережной Украинѣ даже въ послѣднее время можно было видѣть такіа характеристическіа особенноти, какъ, на примѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдыа, подъ охраною чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссессора, съ бичемъ у чорта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью: *shoś do riēkīa, ale z fajkā*, или-же на днѣ ада, во образѣ сребролюбца іуды, какого нибудь корчмаря, поссессора и даже столоначальника духовнаго правленія. Всѣ эти и подобныа изображенія поддерживали даже въ неграмотномъ людѣ историческую традицію, возвышали и будили духъ народный, наставляли и поучали, и осмысливали, или-же врѣзывали въ память зрителей, поучительныа сами по себѣ явленія ежедневной жизни.

Къ такимъ изображеніямъ принадлежали и тѣ, что воспроизводились на изразцахъ или кафляхъ. Они имѣли наибольшее разнообразіе, полноту и свободу творчества, нестѣсняемую никакою цензурою, а потому и были наиболѣе распространены, замѣняя собою нашу книгу, театръ и, если хотите, и самую проповѣдь. Представьте себѣ, что въ какой нибудь *сольмиць* или *горницѣ* давняго времени, которыа равно значуци были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ, сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной кампаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка *шулки*, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ праздностію городской барышни, или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыа сцены мужа цѣломъ поучающаго свою жену, или борьбы чловѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище не виданное и не слыханное, то видѣнныа когда-то въ далекихъ краяхъ птицы и животныа, то легендарная Осавурь-могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныа сцены разгульной жизни, то противуположныа имъ сцены изъ св.

исторіи, и—каждая изъ нихъ наводитъ на ту или иную мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело, либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, мѣнявшаяся въ своемъ содержаніи, полною глубокаго смысла и поученія, какъ много она отъ самихъ авторовъ се требовала развитія, наблюдательности и сообразительности и какъ не похожа въ этомъ отношеніи минувшая жизнь предковъ на нашу жизнь, привыкшую услаждать зрѣніе и чувство преимущественно изображеніями въ различныхъ видахъ одного лишь голаго женскаго тѣла.

Какъ рано появилось кафельное художество въ смыслѣ воспроизведенія на изразцахъ сценъ изъ окружающей или минувшей жизни, на это мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній, но, судя по сохранившимся образцамъ, начала этого искусства надо искать отнюдь не позже XVII ст., такъ какъ самые образцы, являющіеся въ формѣ разнообразной и не первичной, принадлежать несомнѣнно началу XVIII в. На это указываютъ находящееся здѣсь изображеніе шведа, а еще яснѣе записанный въ исторіи Руссовъ Коуисскаго оригинальный фактъ желанія какого-то ярыги притянуть и самое кафельное производство къ странному въ свое время „слову и дѣлу государеву“. Приводимъ по этой исторіи рассказъ объ означенномъ фактѣ, какъ единственное историческое извѣстное свидѣтельство о кафельномъ художествѣ¹⁾.

„Одинъ знатный помѣщикъ или владѣлецъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великіи пакости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатахъ употребляемаго. Переѣзжавшій чрезъ мѣстечко оное офицеръ армейскій, по имени Якифъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его на одной печи горничной, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымазаваннаго мастеровъ орла, тотчасъ арестовалъ командою своею хозяина сего, отослалъ въ министерскую канцелярію съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ гербъ государственный, невѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская канцелярія, сочтя доносъ тотъ полусловомъ и

¹⁾ Исторія Руссовъ, арх. Г. Коуисскаго, стр. 239.

дѣломъ государевымъ, допрашивала помѣщика, съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей гербъ государственный и его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что купилъ онъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ Городнѣ, у гончара тамошняго Сидора Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ, на украшеніе печей сдѣланныхъ, были между животными, лица человѣческія, а между птицами и орлы, но чтобы то было священное и заповѣдное, ему о томъ и въ умъ не приходило, и купилъ онъ всѣ печи, а между ими и ту заворную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы; однако, не смотря на всѣ извиненія орлы стояли помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ“.